

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2023.1.37.8

УДК 331.5 | ББК 65.240

© Попов А.В.

ТРУДОВАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКИХ МУЖЧИН В ГОДЫ НЕСТАБИЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ КРУПНЫХ ГОРОДОВ И РАЙОНОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПОПОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: ai.popov@yahoo.com

ORCID: [0000-0002-4803-1354](https://orcid.org/0000-0002-4803-1354); ResearcherID: [I-8785-2016](https://orcid.org/I-8785-2016)

Нестабильность, обусловленная последствиями пандемии коронавируса COVID-19 и эскалации геополитической напряженности, приводит к серьезным изменениям в различных областях жизнедеятельности. С точки зрения функционирования общества в центре внимания находятся вопросы занятости, которые отражают возможности обеспечения привычного уровня благосостояния. При этом интерес вызывает положение мужчин, в большей степени пострадавших от взаимодействия с турбулентной внешней средой. С учетом важности территориального фактора целью исследования стал анализ динамики показателей трудовой жизни российских мужчин в крупных городах и за их пределами в период социально-экономической нестабильности. Особенность работы заключается не только в смещении фокуса в сторону мужчин, что весьма редко встречается в отечественной литературе, но и в раскрытии проблематики с позиции непрерывного процесса согласования личностных интересов индивидов с объективными условиями внешней среды (как правило, трудовая жизнь населения рассматривается в контексте сугубо качественных характеристик). Информационная база представлена официальной статистикой и данными мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области за 2018–2022 гг. Результаты анализа свидетельствуют, что, несмотря на давление макроэкономических факторов, в целом ситуация на региональном рынке труда остается весьма устойчивой, что помимо низкой безработицы выражается в распространении первичной занятости и бессрочных трудовых договоров, увеличении заработной платы и т. д. Беспокойство вызывает специфика трудовой жизни мужчин (преимущественно старшего возраста), проживающих на периферии, где наблюдается ограниченный рост доходной базы при заметном уве-

личении напряженности трудового процесса, развитие вторичной и неформальной занятости, а трудоустройство чаще происходит в отрыве от собственных интересов. Все это приводит к усилению миграционных настроений, прежде всего среди молодых мужчин. Перспективы дальнейшей работы связаны с углублением полученных результатов посредством проведения серии качественных исследований.

Трудовая жизнь, занятость населения, крупные города, молодежь, COVID-19, заработная плата, рынок труда, качество занятости.

Введение

В условиях нестабильности внешней среды и нарастания геополитической неопределенности важное значение отводится вопросам занятости населения, характеризующим возможности обеспечения привычного уровня благосостояния. При этом само по себе наличие работы и заработка в современном мире не способно в полной мере отразить тенденции, которые происходят в трудовой жизни и впоследствии становятся фактором глубоких преобразований в обществе. В результате все большую актуальность приобретает обсуждение проблем, связанных со спецификой реализации трудового потенциала, где немалая роль отводится субъективному восприятию работниками своего положения в сфере труда и занятости. Подобный ракурс позволяет выявить предпосылки назревающих изменений, а также разнообразные практики, закрепляемые в поведении людей, которые вынуждены адаптироваться к новым вызовам.

В свете последних событий интерес представляет трудовая жизнь мужчин в России. Во-первых, мужчины хуже перенесли пандемию коронавируса COVID-19¹ (Islam et al., 2021), во-вторых, оказались в фокусе внимания в связи с проведением специальной военной операции. Однако если эпидемиологический кризис повлек за собой хотя и глобальный, но относительно непродолжительный локдаун, социально-экономические эффекты которого описаны в научной литературе (Гуревич и др., 2021;

Ослон и др., 2021), то масштабы грядущих перемен еще предстоит оценить. Оставляя за рамками исследования внешнеполитическую повестку, можно с уверенностью говорить о вхождении страны в новую реальность, что помимо всего прочего неминуемо скажется на трудовой жизни населения. В силу социального расслоения российского общества мужчины, проживающие в крупных городах, могут первыми почувствовать это на себе, в то время как периферия сохранит прежний быт и систему хозяйствования, в т. ч. благодаря миграционной убыли населения и «вымыванию» талантливой молодежи. Территориальный разрез в этом смысле сложно игнорировать. Поскольку турбулентность минувших лет способствует формированию контуров наметившихся изменений, целью нашей работы стал анализ динамики показателей трудовой жизни мужчин в крупных городах и за их пределами в период социально-экономической нестабильности.

Указанная тема, даже в отрыве от национального контекста или конкретных исторических событий, не является предметом активного научного дискурса. Как правило, в социально-трудовых исследованиях основное внимание уделяется именно женщинам, в большинстве своем сочетающим репродуктивную функцию и семейные обязанности с оплачиваемой работой (т. н. «двойное бремя»)². В связи с этим их положение на рынке труда весьма уязвимо, чего не скажешь в целом про мужчин³. Впрочем, в кризисные годы ситуация может корен-

¹ Минздрав РФ: мужчины чаще женщин умирают от коронавируса // Вести.ru. URL: <https://www.vesti.ru/article/2088211>

² Женская занятость: глобальные тенденции и действия MOT // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_312616.pdf

³ Differences in men's and women's work, care and leisure time. European Parliament. URL: [https://www.europarl.europa.eu/regdata/etudes/stud/2016/556933/ipol_stu\(2016\)556933_en.pdf](https://www.europarl.europa.eu/regdata/etudes/stud/2016/556933/ipol_stu(2016)556933_en.pdf)

ным образом меняться в зависимости от приоритетов социальной политики государства или наиболее пострадавших отраслей экономики (Alon et al., 2020; Périvier, 2014). В свою очередь анализ положения мужчин чаще всего осуществляется применительно к отдельным группам, выделяемым по критериям возраста, этнической принадлежности, семейного статуса и т. д. Для этого используются как привычные для экономической науки категории (например, «занятость»), так и более абстрактные концепты, одним из которых является «качество трудовой жизни» (Басова, Белехова, 2020; Schoerke et al., 2004). Преимущество такого подхода, получившего большую популярность в академическом сообществе, заключается в расширительной трактовке условий труда, что делает возможным применение самого разнообразного методического инструментария, выходящего далеко за рамки официальной статистики.

Развитие теории качества трудовой жизни происходило со второй половины XX века и привело к возникновению множества точек зрения на его изучение и оценку (Martel, Gilles, 2006). На сегодняшний день количество анализируемых параметров варьируется от буквально нескольких до десяти и более, среди которых содержание и организация труда, рабочее место, система стимулирования труда, трудовой коллектив (Миляева, 2019) и т. д. Здесь важно подчеркнуть, что в нашей статье речь идет не столько об условиях труда, хотя данный аспект также будет затронут, сколько о жизнедеятельности людей, отражающей процесс согласования личностных интересов с объективными условиями внешней среды. Отсюда и более широкий горизонт исследования, о котором будет сказано далее. Подобного рода работы практически не встречаются в отечественной литературе,

что вкуче с остротой сложившейся обстановки требует усиления внимания к проблемам трудовой жизни мужчин в России.

Что касается зарубежных источников, то вопросы трудовой жизни мужчин зачастую раскрываются сквозь призму гендерного анализа, в рамках которого подчеркивается уязвимость положения женщин, например, в части обеспечения равных карьерных возможностей (Pace, Sciotto, 2022), разделения ответственности за работу по дому и уходу за детьми (Del Boca et al., 2020), доступа к формальной занятости и разным сегментам рынка труда⁴, оплаты труда за труд равной ценности (Reskin, Padavic, 1994) и т. д. Гораздо меньшее количество публикаций посвящено особенностям занятости населения в городах и сельской периферии, где центральное место занимает тематика трудовой миграции и разделения труда (Fan, 2003; Evans, 2019). Таким образом, мы видим, что трудовая жизнь мужчин во многом находится вне поля зрения мировой научной мысли и весьма редко попадает в фокус исследования.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели исследование было разделено на два этапа. На первом этапе мы обратились к данным официальной статистики для анализа ситуации на рынке труда Вологодской области, что позволило сформировать общее представление о качестве занятости в условиях нестабильности последних лет⁵. Выбор региона обусловлен прежде всего доступностью эмпирической базы, а именно – возможностью в дальнейшем использовать материалы многолетнего мониторинга⁶, проводимого Вологодским научным центром РАН при непосредственном участии автора, и углу-

⁴ Gender at Work: A Companion to the World Development Report on Jobs. WorldBank. URL: https://www.worldbank.org/content/dam/worldbank/document/gender/genderatwork_web.pdf

⁵ Динамические ряды зачастую ограничиваются 2021 годом из-за отсутствия актуальной информации, в то время как нижняя граница интервала устанавливается исходя из наличия данных после кризисных событий конца 90-х гг.

⁶ Мониторинг качества трудового потенциала населения Вологодской области проводится с 1997 года в городах Вологде и Череповце, а также в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Объектом исследования является население Вологодской области трудоспособного возраста. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Объем выборки составляет 1500 человек, ошибка выборки не превышает 3–4%.

бить результаты исследования в сфере особенностей трудовой жизни мужчин. Кроме того, Вологодская область зачастую позиционируется как типичный субъект РФ по большинству демографических и социально-экономических показателей (Ильин и др., 2015, с. 175), что в определенной мере обеспечивает схожесть наблюдаемых процессов со всероссийской динамикой. Такой ракурс является особенно важным при масштабировании полученных выводов на уровень всей страны.

Второй этап исследования посвящен более детальному погружению в специфику трудовой жизни мужчин за пределами крупных городов с помощью данных регионального мониторинга. С одной стороны, мы рассматривали крупные города Вологда и Череповец, численность населения которых превышает 250 тыс. чел., а с другой – муниципальные образования с небольшими населенными пунктами, находящимися на периферии Вологодской области. В качестве временного отрезка выбран период 2018–2022 гг. (в силу того что в настоящее время опрос проводится один раз в 2 года – это 2018, 2020 и 2022 гг.), где реперной точкой служит 2018 год, характеризующийся относительной стабильностью в экономике и обществе. В этом плане последующие годы выступают маркерами нарастающих изменений, поскольку связаны с событиями, повлекшими за собой масштабные социально-экономические потрясения (пандемия коронавируса COVID-19 и начало специальной военной операции). Причем если о локдауне 2020 года сказано уже многое, то эффекты геополитической напряженности в мире еще только предстоит изучить.

Перечень показателей трудовой жизни, анализируемых на втором этапе работы, основан на инструментарии, который находит отражение в каждой из волн мониторинга, что несколько сужает проблемное поле исследования вследствие регулярного внесения корректировок в опросник. Также в заключение мы сделали акцент на распределении ответов на вопрос о наме-

рениях респондентов в 2022 году. Однако наиболее существенным методологическим моментом является изучение трудовой жизни мужчин в разрезе молодежной (до 35 лет включительно) и старшей (с учетом повышения пенсионного возраста – от 36 до 62 лет) групп. Логика такого разделения заключается в том, что молодые люди традиционно сталкиваются с серьезными барьерами на пути к трудоустройству и стабильной занятости (Попов, 2022, с. 172), что неминуемо сказывается на восприятии собственной трудовой жизни. В дальнейшем ситуация во многом сглаживается, о чем свидетельствуют показатели безработицы среди взрослого населения⁷. Лица старшего трудоспособного возраста, которые также испытывают сложности на рынке труда (наряду с женщинами, мигрантами, инвалидами и т. д.), не принимают участие в мониторинге. Общая характеристика выборочной совокупности представлена в *табл. 1*.

Анализ данных мониторинга осуществлялся при помощи метода частотного распределения, послужившего основой для построения таблиц сопряжения. Несмотря на тривиальность используемого инструментария, он позволяет наглядно отразить изменения, произошедшие в трудовой жизни мужчин за рассматриваемый период, с учетом фактора возраста. Индексный метод в данном случае неприменим, прежде всего в силу разнородности отобранных индикаторов. Обратимся к результатам исследования.

Особенности занятости населения в условиях социально-экономической нестабильности

Уровень общей безработицы является одним из ключевых индикаторов, характеризующих устойчивость занятости населения. Как видно из *рис. 1*, динамика безработицы в Вологодской области в полной мере соотносится с общероссийским трендом. Несмотря на кризисы последних десятилетий, значения показателя не поднимались выше 9%, а в период активных корона-

⁷ Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы) – 2022: стат. сборник // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2022.pdf

Таблица 1. Общая характеристика выборки из числа мужчин трудоспособного возраста

Возрастная группа	Территория				Всего	
	крупные города		районы			
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
2022 год						
Молодежь (до 35 лет)	123	57,5	91	42,5	214	100,0
Взрослые (старше 35 лет)	231	55,3	187	44,7	418	100,0
2020 год						
Молодежь (до 35 лет)	118	55,9	93	44,1	211	100,0
Взрослые (старше 35 лет)	216	53,5	188	46,5	404	100,0
2018 год						
Молодежь (до 35 лет)	144	59,0	100	41,0	244	100,0
Взрослые (старше 35 лет)	194	50,7	189	49,3	383	100,0

Источники: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018–2022 гг.; расчеты автора.

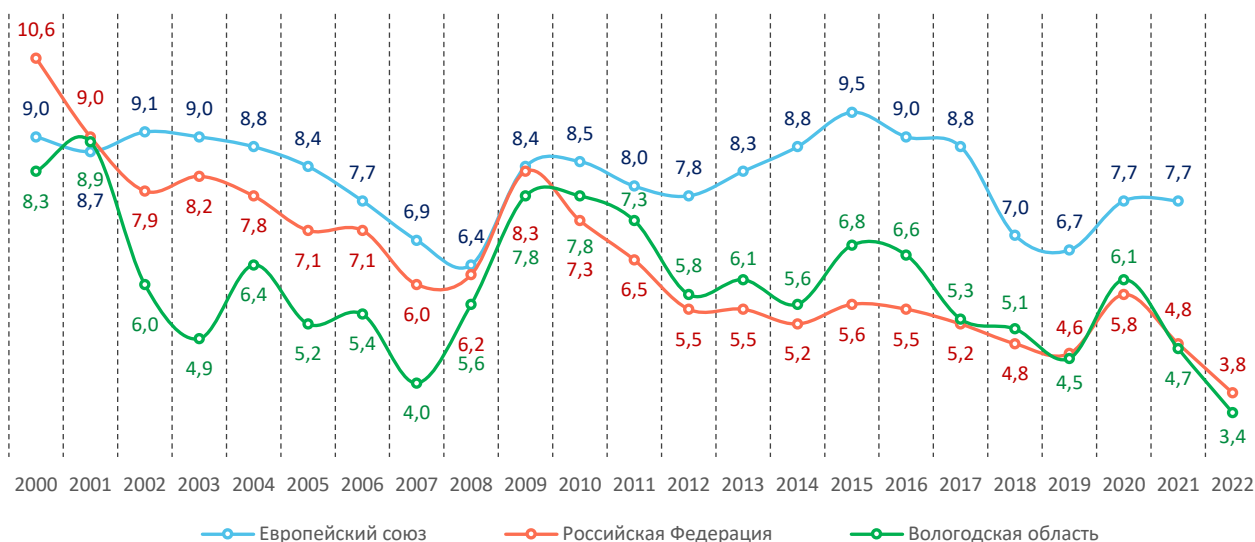

Рис. 1. Уровень общей безработицы в Вологодской области, %

Примечание: данные по России в 2022 году приведены за III квартал.

Источники: данные Росстата; Unemployment. WorldBank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/sl.uem.totl.zs>

вирусных ограничений были еще ниже (6,1% в 2020 году). С началом специальной военной операции на территории Украины (далее – СВО) безработица в регионе достигла абсолютного минимума в истории современной России – 3,4% за 2022 год (3,8% по стране в целом). Причины этого кроются не только в поддержании стабильности национальной экономики на фоне беспрецедентного санкционного давления, но и в уже ставшей хронической проблеме нехватки кадров. Принимая во внимание ситуацию за рубежом, можно

подтвердить широко известный тезис о том, что относительно низкий уровень безработицы выступает отличительной чертой российского рынка труда (Капелюшников, 2009). При этом особых различий между мужчинами и женщинами не наблюдается⁸.

Не претерпевает серьезных изменений и уровень регистрируемой безработицы в Вологодской области (рис. 2). Исключение составляет 2020 год, когда значения показателя продемонстрировали рост до 4,5% (3,2% в среднем по РФ), что обусловлено

⁸ Индикаторы достойного труда // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ind_dtr_07-2022.xlsx

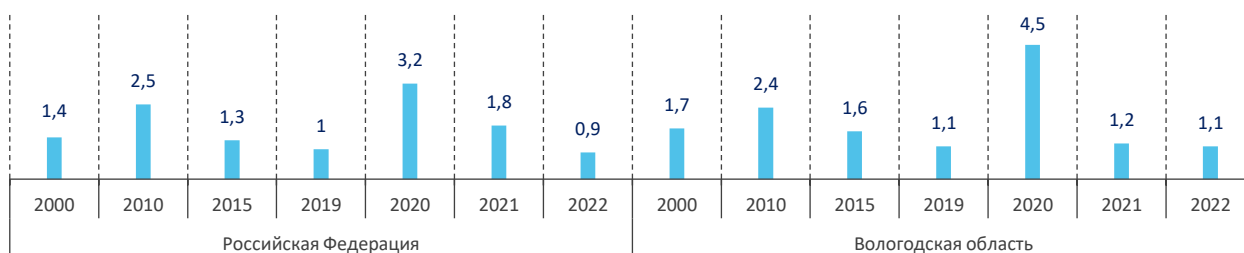

Рис. 2. Уровень регистрируемой безработицы в Вологодской области, %

Примечание: данные по России в 2022 году приведены за III квартал.

Источник: данные Росстата.

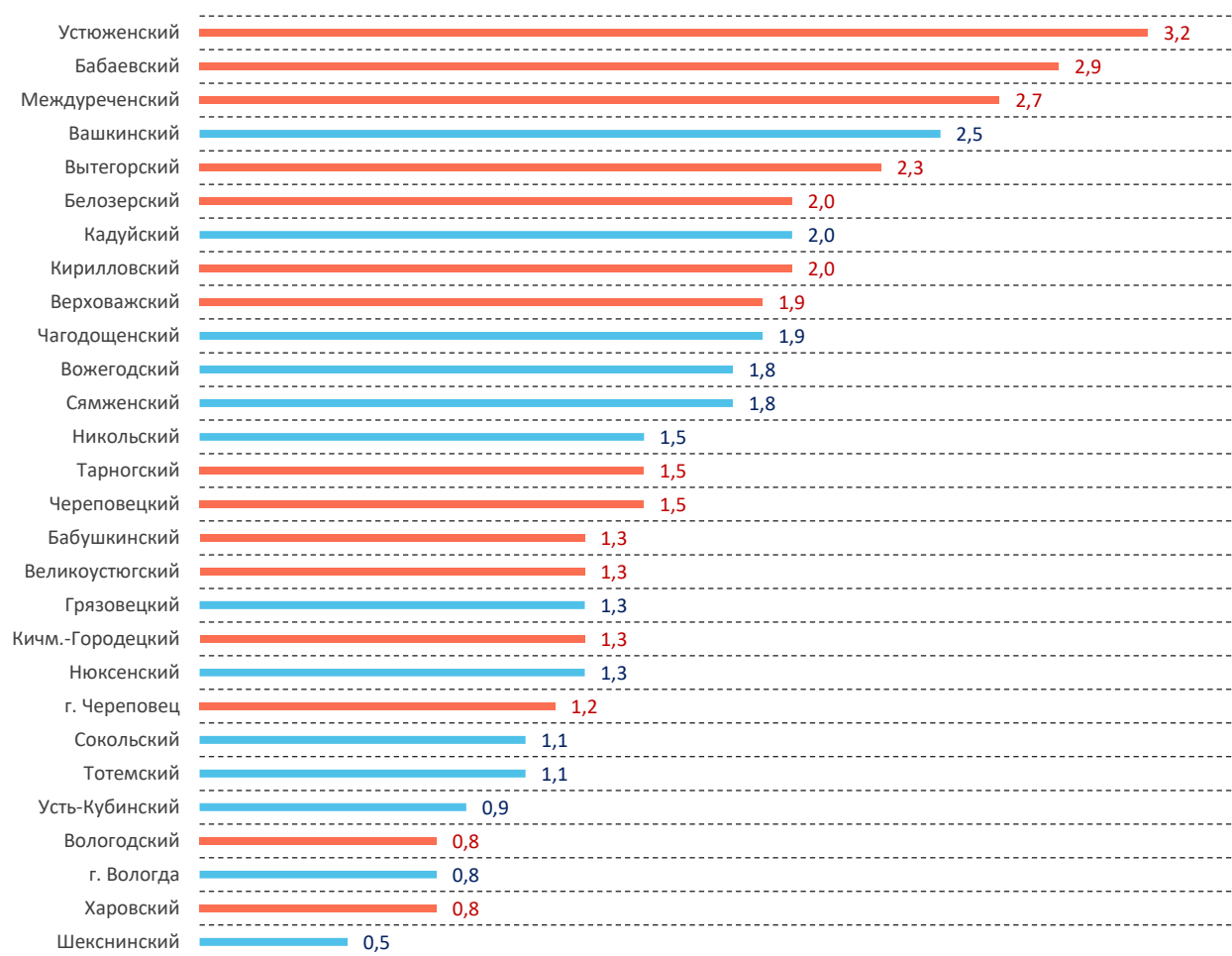

Рис. 3. Уровень регистрируемой безработицы в районах Вологодской области, 2021 год, %

Примечание: красным и синим цветами обозначены территории с преобладанием сельского и городского населения соответственно.

Источник: Социально-экономическое положение по муниципальным районам и городским округам Вологодской области в 2021 году. Вологдастат: Вологда, 2022. 63 с.

не только снижением деловой активности вследствие введения ограничительных мер, направленных на борьбу с распространением коронавирусной инфекции, но и упрощением доступа к пособию и повышением его размера до величины МРОТ (Абдрахманова и др., 2021). В дальнейшем ситуация стабиль-

лизировалась на прежнем уровне, чему не помешало даже проведение СВО.

И хотя регистрируемая безработица – достаточно редкое явление в отечественной практике, в разрезе муниципальных образований можно увидеть определенную дифференциацию (рис. 3). В частности, на территории

Вологодской области значения показателя варьируются от 0,5% в Шекснинском районе до 3,2% в Устюженском районе. В результате можно констатировать, что большая устойчивость свойственна работникам, занятым в крупных городах и примыкающих к ним районах, за счет позитивного воздействия агломерационных эффектов. В свою очередь положение населения на периферии, в т. ч. в сельской местности, является особенно уязвимым. Избежать влияния конъюнктурных факторов зачастую возможно только посредством маятниковой миграции, вахтового метода работы или переезда.

На основании полученных данных можно предположить, что и уровень общей безработицы в городской местности будет устойчиво ниже, чем на селе, за счет концентрации и эффективного использования производственных и трудовых ресурсов, финансовых активов, инвестиционного капитала и инноваций. Однако с 2021 года на Вологодчине наблюдается паритет в значениях показателя, прежде всего обусловленный снижением безработицы за пределами городов (рис. 4). Причины этого могут быть связаны как с поступательным сокращением численности сельского населения, так и с неблагоприятной социально-экономической ситуацией, вынуждающей людей более активно искать работу. Впрочем, обоснование такой точки зрения требует более глубокого анализа муниципальной специфики, проведению которого препятствует ограниченность официальной статистики.

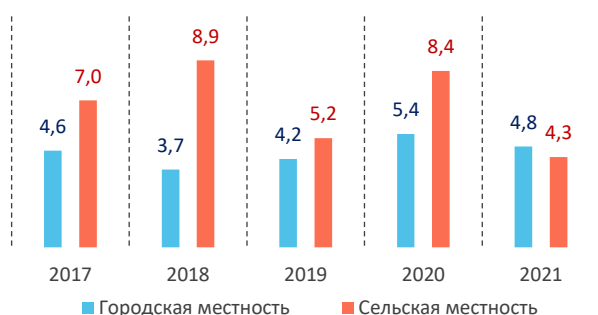

Рис. 4. Уровень общей безработицы в Вологодской области в разрезе городской и сельской местности, %

Источники: Социально-экономическое положение по муниципальным районам и городским округам Вологодской области в 2021 году. Вологдастат: Вологда, 2022. 63 с.; Итоги выборочного обследования рабочей силы // Росстат, 2017–2021 гг.

Если тенденции изменения безработицы свидетельствуют о стабильности занятости в регионе, то совсем иным образом обстоят дела, когда речь идет о динамике удельного веса работников неформального сектора (рис. 5). Так, в 2001–2021 гг. в Вологодской области увеличились значения показателя с 14,1 до 25,5%, вплотную приблизившись к максимуму 2016 года (26,8%). Аналогичный тренд зафиксирован на общероссийском уровне. В 2022 году масштабы некорпоративного сектора экономики несколько сократились. Эксперты связывают это с перераспределением работников между различными секторами рынка труда, снижением платежеспособного спроса населения и потребности работодателей в «серых» кадрах, оттоком трудовых мигрантов⁹ и т. д. Также важно подчеркнуть, что распространенность занятости в неформальном секторе не позволяет однозначно утверждать о развитии «теневого» рынка труда, однако сами по себе такие практики являются менее устойчивыми по сравнению со стандартной моделью занятости¹⁰. Как правило, несколько чаще к ним прибегают именно мужчины¹¹, что может быть объяснено как отраслевой структурой занятости (в т. ч. по формам собственности), так и большим их тяготением к рискованной, но высокооплачиваемой работе (Шабунова и др., 2017, с. 134). Впрочем, данные аспекты во многом взаимообуславливают друг друга.

Вопросы трудового заработка имеют непосредственное отношение к качеству занятости, поскольку отражают возможности воспроизводства рабочей силы. Для анализа ситуации в этой области мы воспользовались показателем медианной заработной платы, который позволяет получить более объективную картину по сравнению со средними ее значениями

⁹ В России резко сократилась занятость в неформальном секторе // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/09/2022/632989989a79471c92e0fd96>

¹⁰ Рабочая сила, занятость и безработица в России 2020. Занятые в неформальном секторе. Предисловие // Росстат. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B20_61/Main.htm

¹¹ Индикаторы достойного труда // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ind_dtr_07-2022.xlsx

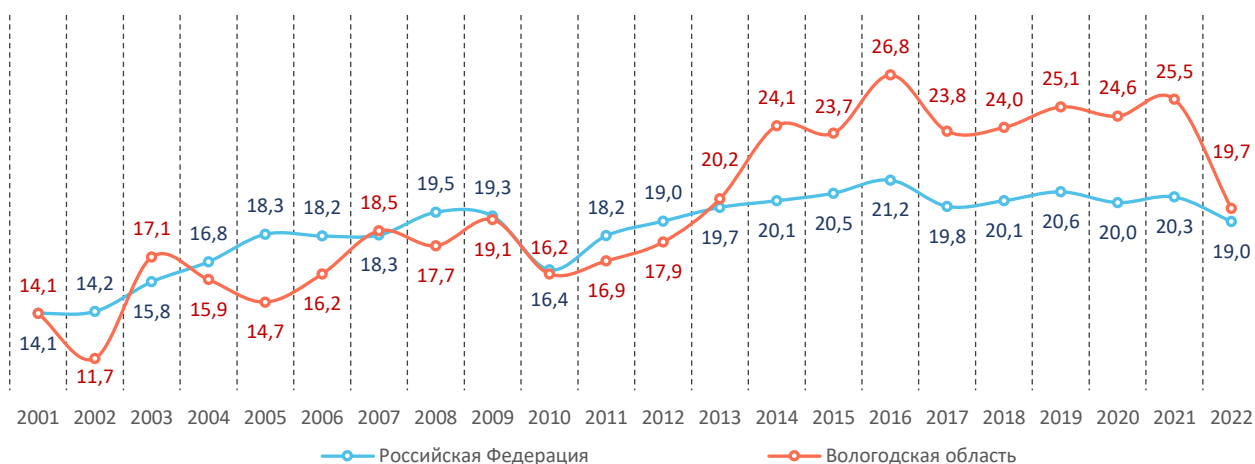

Рис. 5. Удельный вес занятых в неформальном секторе в общей численности занятых, %

Примечание: данные по России и Вологодской области в 2022 году приведены за III квартал.

Источник: данные Росстата.

Таблица 2. Показатели материального благополучия населения

	Год					2021 год к 2005 году, %
	2005	2011	2015	2019	2021	
Медианная заработная плата работников организации (в ценах 2021 года), руб.						
Российская Федерация	17880,7	30231,6	32816,5	39043,0	40245,0	225,1
Вологодская область	20992,1	29418,9	30940,0	44915,2	39029,0	185,9
Величина прожиточного минимума трудоспособного населения, руб.						
Российская Федерация	3302,0	6710,0	10187,0	11510,0	12702,0	384,7
Вологодская область	3283,0	6932,0	10455,0	11659,0	12761,0	388,7
Отношение медианной заработной платы к прожиточному минимуму трудоспособного населения, раз						
Российская Федерация	5,4	4,5	3,2	3,4	3,2	59,3
Вологодская область	6,4	4,2	3,0	3,9	3,1	48,4
Соотношение средней заработной платы 10% наиболее и 10% наименее оплачиваемых работников, раз						
Российская Федерация	24,9	16,1	14,5	13,0	13,5	54,2
Вологодская область	16,3	12,1	11,9	8,4	8,2	50,3

Источник: данные Росстата.

за счет «отсечения» наиболее обеспеченных слоев общества. Как и в ранее приведенных примерах, мы видим, что результат по Вологодской области в полной мере подтверждает ее «типичный» статус: размер заработка в регионе соответствует общероссийскому уровню (табл. 2). При этом за последние 15 лет значения показателя увеличились на 85,9% и к 2021 году достигли 39,0 тыс. руб. Несмотря на позитивную динамику, вернуться на допандемийный уровень (44,9 тыс. руб.) не получилось, что несколько разнится с

данными по стране, где был зафиксирован незначительный рост. В разрезе по полу мужчины традиционно имеют более высокий уровень оплаты труда: соотношение абсолютных величин по стране в целом едва превышает 70%¹², а доля женщин с низким заработком составляет около 30% (20% у мужчин)¹³.

Об ухудшении качества занятости в минувшие годы свидетельствует и отношение медианной заработной платы к прожиточному минимуму трудоспособного населения

¹² Средняя начисленная заработная плата мужчин и женщин по обследованным видам экономической деятельности // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sr-zpl5.xlsx>

¹³ Индикаторы достойного труда // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ind_dtr_07-2022.xlsx

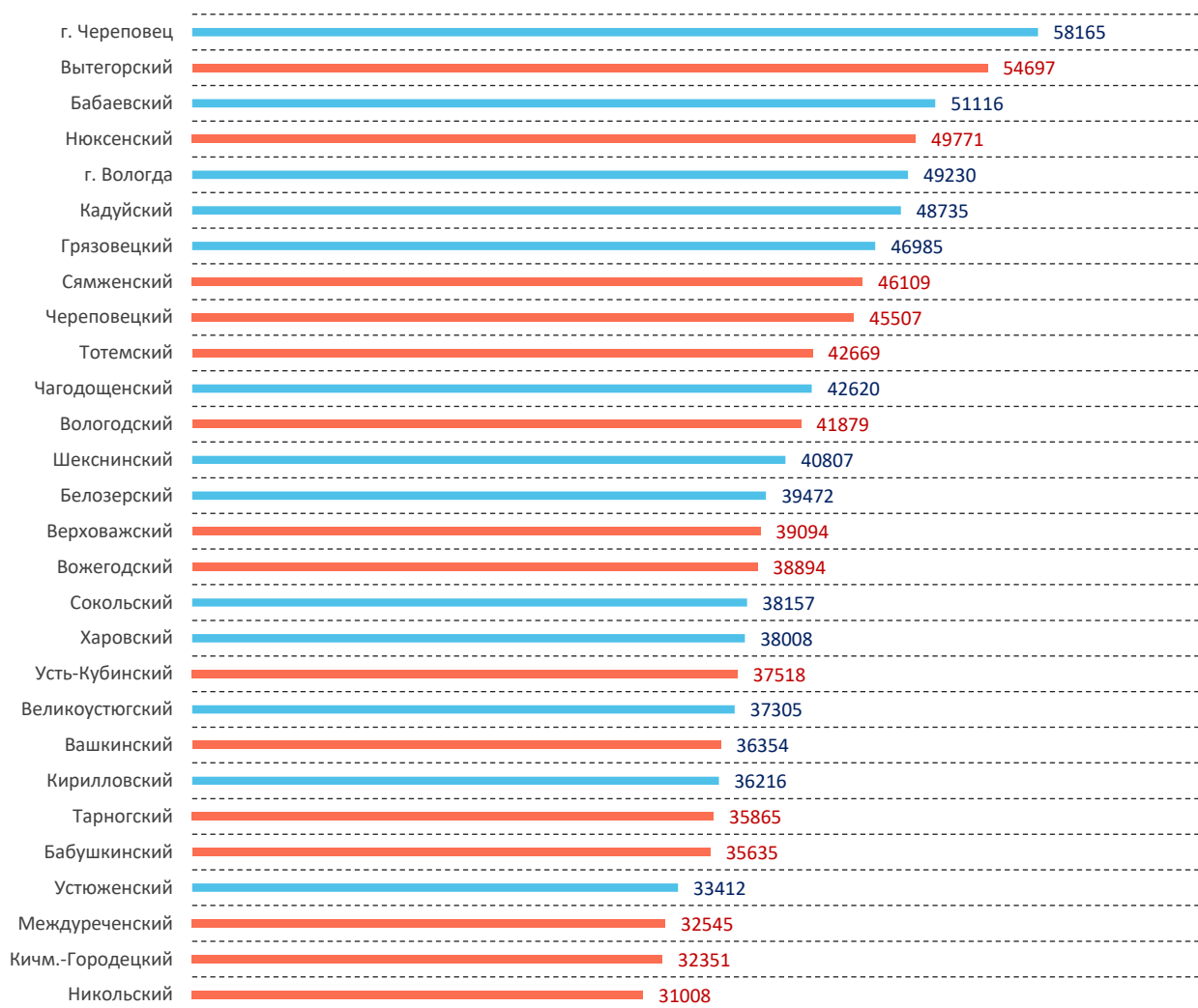

Рис. 6. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в районах Вологодской области, 2021 год, руб.

Примечание: красным и синим цветами обозначены территории с преобладанием сельского и городского населения соответственно.

Источник: Социально-экономическое положение по муниципальным районам и городским округам Вологодской области в 2021 году. Вологдастат: Вологда, 2022. 63 с.

(3,9 раза в 2019 году против 3,1 раза в 2021 году по Вологодской области). Если еще в прошлой декаде сокращение разрыва между рассматриваемыми показателями происходило из-за увеличения нижней границы размера социальных гарантий (почти четырехкратный рост), то впоследствии на первый план вышло именно падение трудового заработка.

На этом фоне позитивной выглядит тенденция сокращения социального неравенства, если судить по изменению соотношения средней зарплаты 10% наиболее и 10% наименее оплачиваемых работников. Согласно

статистике, с 2005 года значения показателя по Вологодской области демонстрируют устойчивое снижение, достигнув 8,2 раза к 2021 году. При этом в среднем по России данное соотношение заметно выше (13,5 раза в 2021 году), что еще лучше характеризует качество занятости на Вологодчине. Однако, принимая во внимание показатели материального благополучия в совокупности, сложившуюся ситуацию сложно оценить как оптимистичную.

Вместе с тем уровень оплаты труда в городах и муниципальных районах Вологодской области имеет существенные различия, которые достигают почти двух раз (рис. 6).

Таблица 3. Основные способы поиска работы среди мужчин, %

Способ поиска	Крупные города						Районы					
	молодые мужчины			взрослые мужчины			молодые мужчины			взрослые мужчины		
	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год
Через друзей, знакомых или родственников	48,4	46,6	53,3	51,1	47,1	55,3	63,5	63,3	56,0	62,5	62,0	62,5
Увидели рекламное объявление	19,5	16,4	10,7	16,5	12,4	11,1	8,3	13,3	4,4	6,0	6,4	4,3
Через кадровое агентство	9,4	10,3	10,7	7,1	14,3	9,7	11,5	6,7	16,5	10,1	10,2	11,4
Через государственную службу занятости населения	7,8	11,2	6,6	10,4	15,2	11,9	12,5	11,1	15,4	10,7	16,0	16,3
Через сайты поиска вакансий	7,8	5,2	10,7	6,0	2,9	5,3	0,0	1,1	1,1	1,2	1,1	0,0
Разместили рекламное объявление (резюме)	4,7	6,9	7,4	2,7	4,8	3,5	4,2	3,3	6,6	4,8	3,7	4,3
Другое	2,3	3,4	0,8	6,0	3,3	3,1	0,0	1,1	0,0	4,8	0,5	1,1

Источники: здесь и далее – данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018–2022 гг.; расчеты автора.

Так, по состоянию на 2021 год, максимальный размер среднемесячной номинальной начисленной заработной платы был отмечен в Череповце (58,2 тыс. руб.), а минимальный – в Никольском районе (31,0 тыс. руб.). В территориальном разрезе достаточно сложно выявить какие-либо закономерности. Впрочем, среди 10 районов-аутсайдеров 7 являются преимущественно сельскими. Если обратиться к данным мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области за 2022 год, то можно увидеть, что различия в средних заработках городского и сельского населения составляют порядка 11,9 тыс. руб. (35,7 против 23,8 тыс. руб.).

Важно понимать, что обозначенные тенденции не учитывают негативные последствия СВО в 2022 году, в результате чего темпы падения реальной заработной платы в России заметно ускорились (ситуация с реальными располагаемыми доходами населения не столь однозначна)¹⁴. Отрицательная динамика показателя наблюдается во всем мире, а многие люди столкнутся с глобальной рецессией и в ближайшие годы¹⁵. Учитывая напряженность геополитической обстанов-

ки, перспективы поддержания привычного уровня достатка сложно предвидеть, особенно в условиях жестких санкций со стороны западного мира. Преодоление негативных трендов, часть из которых носит «застойный» характер, требует реализации глубоких реформ в различных сферах жизнедеятельности (социальной, финансовой, регионального управления и т. д.) (Аганбегян, 2022).

Трудовая жизнь мужчин в крупных городах и за их пределами

Согласно мониторинговым данным, поиск работы через друзей, знакомых и родственников остается ключевой стратегией поведения мужчин на рынке труда вне зависимости от возраста и территории проживания (табл. 3). Не оказала существенного влияния и нестабильность последних лет, в результате чего иные способы трудоустройства являются менее востребованными. При этом если среди молодых и взрослых мужчин нет ощутимых различий, то жители районов области чаще прибегают к неформальным каналам поиска работы, что может

¹⁴ Обзор экономических показателей, 17 октября 2022 г. // ЭЭГ. URL: http://www.eeg.ru/downloads/obzor/rus/pdf/2022_10.pdf

¹⁵ Global Wage Report 2022–2023. The impact of COVID-19 and inflation on wages and purchasing power. ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_862569.pdf

быть обусловлено теснотой межличностных связей. В свою очередь в крупных городах большее количество случаев нахождения работы посредством рекламных объявлений и специализированных сайтов (hh.ru, superjob.ru, rabota.ru и др.). Государственные службы занятости, несмотря на повышенное внимание органов власти к их деятельности в последнее время, все еще не пользуются популярностью, в особенности у городской молодежи.

В силу распространенности неформальных каналов трудоустройства весьма сложно провести параллель между трудовыми стратегиями мужчин и соответствием их основной работы собственным убеждениям, а также полученному образованию. Тем не менее мы видим, что более чем каждый второй опрошенный в Вологодской области находится в гармонии со своим внутренним миром (табл. 4). Прежде всего это проявляется в крупных городах, где трудовая занятость чаще коррелирует со способностями, склонностями и призванием людей. Примечательно также, что если в 2018 году об этом в большинстве своем говорили взрослые, то в дальнейшем на первый план вышла молодежь, в т. ч. проживающая в районах. Рост внутренней согласованности с выполняемой работой может быть связан с увеличением доли мужчин, занятых по специальности, однако и в этом случае динамика не столь однозначна, в особенности когда речь идет о представителях старших возрастных групп за пределами крупных городов.

Гораздо в меньшей степени выполняемая работа соответствует квалификации

опрошенных мужчин. В период нестабильности доля таковых приблизилась к 50%, хотя еще в 2018 году – находилась на уровне 40%. Распределение оставшихся имеет заметную территориальную специфику. Так, в крупных городах каждый третий отметил, что его профессиональная подготовка выше, чем того требует работа, а в районах области об этом заявлял лишь каждый пятый. Однако и в той, и в другой выборке достаточно много тех, кто затруднился с ответом, поэтому сложно делать однозначные выводы. В то же время проблема распространения сверхквалификации в крупных городах, согласно самооценкам респондентов, выглядит вполне реальной, в результате чего весомая часть мужского населения недоиспользует человеческий капитал.

Несмотря на кризисные явления последних лет, характеристика трудовой занятости мужчин на Вологодчине не претерпела существенных изменений (табл. 5). Среди основных трендов можно выделить незначительное увеличение первичной занятости, а также практик совместительства основной и дополнительной работы (главным образом за пределами крупных городов), масштабы которых превышают 10%, что вполне соотносится с данными, полученными учеными еще в конце 90-х гг. прошлого века (Рощин, Разумова, 2002, с. 20). В целом сложившуюся ситуацию на региональном рынке труда, как и по итогам анализа официальной статистики, можно охарактеризовать как устойчивую, о чем в т. ч. свидетельствует сокращение доли мужчин, перебивающихся случайными приработками вместо полноценной занятости, до нескольких процентов.

Таблица 4. Соответствие профессии (основной работы) мужчин..., %

Соответствие	Крупные города						Районы					
	молодые мужчины			взрослые мужчины			молодые мужчины			взрослые мужчины		
	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год
Способностям и склонностям*	62,5	68,6	70,7	70,1	66,2	67,5	48,0	57,0	54,9	56,6	56,9	43,9
Призванию*	55,6	62,7	67,5	64,9	56,5	56,3	45,0	50,5	54,9	51,9	50,5	47,1
Специальности**	54,0	54,2	62,6	49,0	49,5	59,3	48,0	52,2	61,5	55,0	53,5	47,1

* Вариант ответа «да».
 ** Сумма вариантов ответа «да» и «работаю по близкой (схожей) специальности».

Таблица 5. Характеристика трудовой занятости мужчин

Характеристика трудовой занятости	Крупные города				Районы			
	молодые мужчины		взрослые мужчины		молодые мужчины		взрослые мужчины	
	2018 год	2022 год	2018 год	2022 год	2018 год	2022 год	2018 год	2022 год
Работаю только на основной работе	75,0	81,3	69,6	74,5	70,0	72,5	69,3	70,1
Имею основную и дополнительную работу	9,0	9,8	14,4	13,4	11,0	13,2	12,2	16,0
Сочетаю основную работу со случайными приработками	5,6	6,5	9,3	8,7	10,0	11,0	9,0	7,5
Не имею основной работы, перебиваюсь случайными приработками	10,4	2,4	6,7	3,5	9,0	3,3	9,5	6,4

Примечание: данные за 2020 год не представлены, поскольку формулировка вопроса была изменена.

Таблица 6. Распределение ответов мужчин на вопрос «Как оформлены Ваши трудовые отношения на основной работе?», %

Ответ	Крупные города						Районы					
	молодые мужчины			взрослые мужчины			молодые мужчины			взрослые мужчины		
	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год
Бессрочный (постоянный) договор	51,4	65,3	66,7	60,4	66,7	61,5	65,0	58,1	64,8	72,5	62,2	59,9
Срочный трудовой договор	4,2	7,6	4,9	2,2	2,3	5,2	3,0	1,1	11,0	3,8	3,7	4,8
Договор-подряд (трудовое соглашение / договор на выполнение определенной работы)	17,4	4,2	17,9	16,6	6,9	14,7	5,0	12,9	3,3	4,9	8,5	17,1
Без оформления трудового договора (устная договоренность)	9,0	11,9	4,9	4,2	6,9	6,1	16,0	12,9	14,3	8,6	9,0	10,7
Являюсь индивидуальным предпринимателем / самозанятым	4,9	4,2	5,7	6,7	8,8	10,8	1,0	3,2	3,3	1,7	2,7	5,9
Затрудняюсь ответить	13,2	6,8	0,0	9,9	8,3	1,7	10,0	11,8	3,3	8,6	13,8	1,6

Основной формой закрепления трудовых отношений мужчин по месту работы выступает бессрочный договор (табл. 6). С начала пандемии COVID-19 он стал использоваться еще чаще, прежде всего применительно к молодежи в крупных городах. Обратная картина наблюдается среди взрослого населения из районов области, которое все чаще охватывается договорами на выполнение определенной работы, хотя такая практика вкупе с индивидуальной занятостью свойственна преимущественно городским жителям. Характерной чертой менее урбанизированных территорий является неформаль-

ная занятость (примерно каждый десятый опрошенный). Чаще всего с ней сталкиваются именно молодые люди вне зависимости от места проживания, что, как уже было сказано ранее, обусловлено объективными и субъективными барьерами, препятствующими не только выходу на рынок труда, но и последующему транзиту к стабильной занятости.

Наряду с наличием самой работы к числу важнейших аспектов трудовой жизни относится уровень благосостояния населения. Как видно из рис. 7, в крупных городах Вологодской области мужчины не только

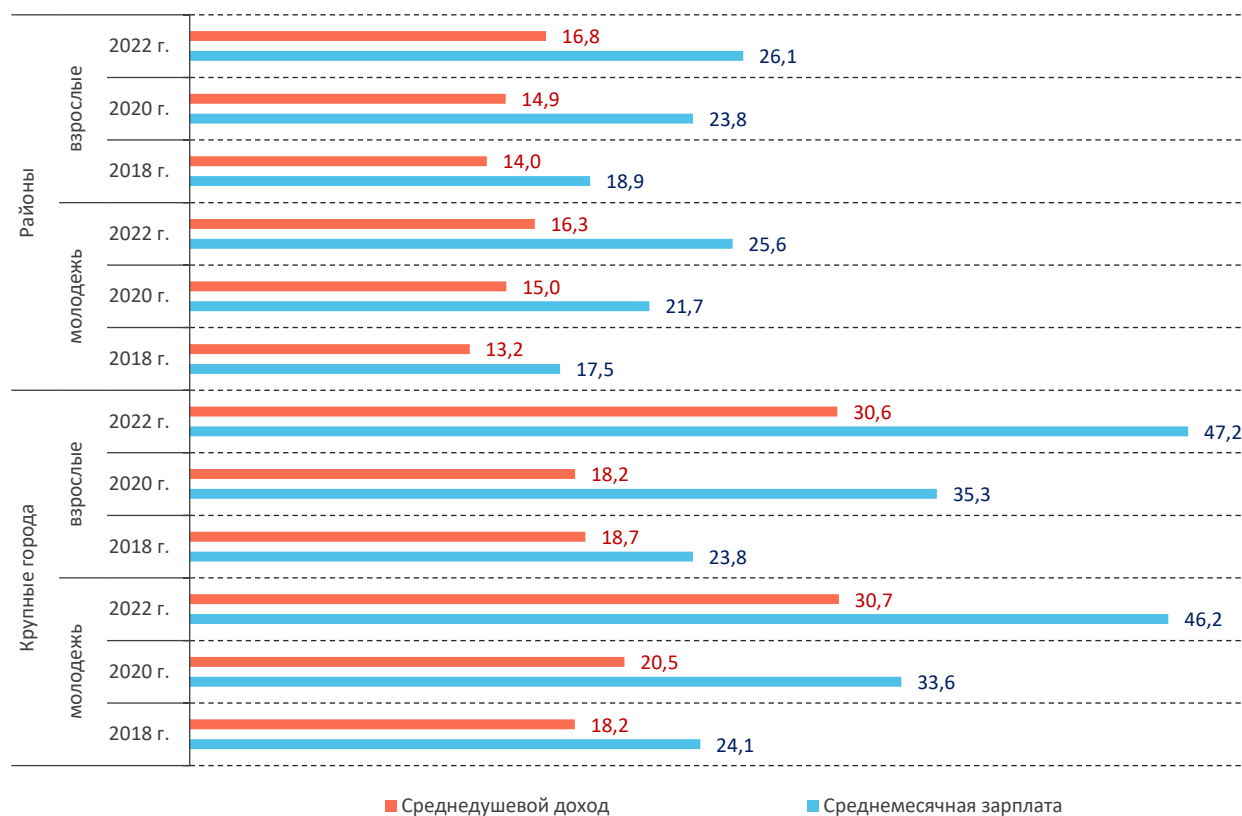

Рис. 7. Среднемесячная заработная плата мужчин, тыс. руб.

зарабатывают намного больше по сравнению с теми, кто проживает в районах, но и имеют высокие среднедушевые доходы, что носит принципиальный характер, поскольку структура доходов сельских жителей отличается своей спецификой¹⁶. Усугубляют положение опережающие темпы роста показателей в Вологде и Череповце, в результате чего усиливается социальная поляризация в территориальном разрезе. Более того, если размер заработка мужчин в районах области демонстрирует позитивный тренд, то среднедушевые доходы во многом стагнируют, учитывая динамику инфляции. Подобные изменения сложно игнорировать в условиях затягивания СВО, поскольку в дальнейшем резкое улучшение ситуации в стране вряд ли можно ожидать (несмотря на прогнозы по стабилизации российской экономики уже в 2024 году)¹⁷, вследствие чего отставание периферии от крупных городов будет

нарастать. Оптимизм придает разве что отсутствие различий в уровне доходов между молодыми и взрослыми мужчинами.

Подтверждением худшего материального положения жителей районов Вологодской области служит распределение ответов на вопрос о профессиональных перспективах (табл. 7). Так, большой оптимизм в отношении достойной оплаты труда испытывают 33–45% опрошенных мужчин (против 51–61% в крупных городах) в зависимости от года проведения мониторинга. Причем любопытным представляется тот факт, что существенных различий по возрасту нет, хотя молодежь должна выше оценивать свои шансы на получение высокого заработка. Наилучшим образом на периферии обстоят дела с востребованностью и самореализацией в профессии, однако даже в этом случае разрыв с крупными городами весьма ощутим, в особенности при рассмот-

¹⁶ Авдеев Е.В. (2016). Воспроизводство человеческого капитала в сельском хозяйстве: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Воронеж. 23 с.

¹⁷ МВФ спрогнозировал российской экономике рост на 0,3% в 2023-м и на 2,1% в 2024 году // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/484365-mvf-sprognoziroval-rossijskoj-ekonomike-rost-na-0-3-v-2023-m-i-na-2-1-v-2024-godu>

Таблица 7. Распределение ответов мужчин на вопрос «Как Вы оцениваете свои профессиональные перспективы?» (варианты ответа «высокие» и «скорее высокие»), %

Перспектива	Крупные города						Районы					
	молодые мужчины			взрослые мужчины			молодые мужчины			взрослые мужчины		
	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год
Востребованность в профессии	70,1	77,1	77,2	71,6	72,7	73,6	40,0	67,7	60,4	40,7	54,3	44,4
Самореализация в профессии	61,1	57,6	58,5	57,7	48,6	54,5	31,0	45,2	45,1	31,2	36,7	32,6
Достойная оплата труда	56,3	61,0	56,9	51,5	55,1	58,4	33,0	45,2	42,9	35,4	35,1	38,0
Повышение профессиональной квалификации	54,2	59,3	58,5	56,2	54,6	57,1	29,0	50,5	48,4	35,4	40,4	32,6
Карьерный рост	47,9	50,0	45,5	44,8	42,6	45,0	28,0	41,9	41,8	28,0	31,9	29,4

Примечание: ранжировано по второму столбцу.

Таблица 8. Распределение ответов мужчин на вопрос «Работа для Вас – это прежде всего способ...» (варианты ответа «совершенно согласен» и «согласен»), %

Ответ	Крупные города						Районы					
	молодые мужчины			взрослые мужчины			молодые мужчины			взрослые мужчины		
	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год
Прокормить себя (семью)	91,0	99,2	98,4	92,3	99,1	94,8	74,0	93,5	80,2	77,8	95,2	87,2
Заработать денег	90,3	95,8	95,9	90,7	93,1	92,6	73,0	82,8	72,5	82,5	83,0	76,5
Сделать карьеру	63,9	67,8	78,9	58,8	59,7	61,5	56,0	67,7	59,3	59,3	51,1	44,9
Достичь успеха	59,7	70,3	72,4	66,0	65,7	67,5	50,0	64,5	60,4	58,2	51,6	49,7
Получить моральное удовлетворение	59,7	58,5	69,9	66,5	61,1	58,0	50,0	67,7	54,9	55,6	58,5	50,8
Реализовать себя как личность	58,3	66,9	74,8	68,0	73,1	66,7	54,0	57,0	54,9	53,4	55,3	47,1
Получить новые знания	58,3	65,3	72,4	61,3	59,7	59,7	54,0	65,6	49,5	56,1	53,7	47,1
Чувствовать себя в безопасности	53,5	65,3	65,9	64,9	63,4	59,7	49,0	72,0	60,4	49,2	62,8	60,4
Заслужить уважение, признание	51,4	65,3	57,7	63,9	64,4	57,6	43,0	53,8	52,7	49,7	54,8	48,7
Заслужить любовь	35,4	45,8	49,6	42,8	43,1	42,0	39,0	43,0	56,0	41,8	44,1	42,2

Примечание: ранжировано по второму столбцу.

рени ответов взрослых мужчин в 2022 году. Аналогичная ситуация наблюдается с перспективами повышения квалификации и карьерного роста, получившими меньше всего позитивных откликов. Тем не менее с 2018 года общая динамика ответов выглядит обнадеживающе на фоне колоссального усиления неопределенности после начала СВО.

Невысокий уровень благосостояния населения обуславливает доминирование инструментальных – материальных и сопряженных с ними – ценностей в трудовой

мотивации (табл. 8). Подавляющее большинство мужчин на Вологодчине воспринимают работу как способ прокормить себя, заработать денег, сделать карьеру и достичь успеха. В последние годы значимость данных аспектов возросла практически во всех рассматриваемых группах, за исключением старшего поколения, проживающего на периферии, для которого занятость, по всей видимости, перестает выполнять статусную роль. Оставшиеся мотивы отражают терминальную ценность труда и играют гораздо

меньшую роль в поведении человека. Чаще всего они наблюдаются среди населения крупных городов (в особенности молодежи, когда мы говорим о стремлении реализовать себя как личность или получить новые знания, хотя еще в 2018 году оно преобладало у представителей старшего поколения). Нестабильность внешней среды повлекла за собой прежде всего рост потребности в чувстве безопасности на рабочем месте, что весьма наглядно проявилось в период острой фазы пандемии коронавируса в 2020 году.

Вместе с тем серьезные опасения вызывает фиксируемая в последние годы интенсификация трудового процесса, что выражается в значительном увеличении доли мужчин, реализующих накопленный потенциал на пределе своих возможностей (табл. 9). Причем если в период пандемии рост отмечался в основном среди жителей районов Вологодской области, то в 2022 году он затронул население региона в целом. В результате в крупных городах как взрослые, так и молодые мужчины стали «выкладываться» на работе еще сильнее, чем на периферии. Такой всплеск

трудовой активности может негативно сказаться на воспроизводстве рабочей силы, способствуя ухудшению состояния здоровья, профессиональному выгоранию, снижению работоспособности и т. д. Единственным позитивным моментом в сложившихся условиях можно назвать повышение востребованности тех актуальных для современной экономики качеств, использование которых находилось на относительно низком уровне (например, творческие способности и стремление к повышению по службе, проявление инициативы и предприимчивости).

В заключение попытаемся проследить, каким образом специфика трудовой жизни молодых и взрослых мужчин, проживающих в крупных городах и за их пределами, отражается на жизненных намерениях (табл. 10). Прежде всего заметна активность жителей Вологды и Череповца, которая значительно превосходит показатели менее урбанизированных территорий по большинству изучаемых направлений деятельности. В части трудовых планов характерно выделяется только районная молодежь, которая сильнее нацелена на переезд в другой населенный пункт

Таблица 9. Распределение ответов мужчин на вопрос «Насколько сильно Вы «выкладываетесь» на работе? В какой степени используете свои качества и умения?» (вариант ответа «в полной мере (на пределе возможностей)»), %

Качества и умения	Крупные города						Районы					
	молодые мужчины			взрослые мужчины			молодые мужчины			взрослые мужчины		
	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год	2018 год	2020 год	2022 год
Физические возможности и здоровье	52,1	55,1	64,2	47,9	44,9	66,2	32,0	59,1	50,0	29,1	55,3	43,5
Общительность, умение ладить с людьми	50,0	38,1	50,4	39,7	37,0	47,6	31,0	44,1	41,8	29,1	39,9	29,0
Психологическая устойчивость	47,9	41,5	54,5	39,2	38,9	57,8	29,0	34,4	35,2	26,5	41,5	34,4
Знания, эрудиция, квалификация	41,0	39,0	48,8	40,7	42,8	52,6	25,0	37,0	37,5	24,3	33,5	26,5
Морально-нравственные качества	38,2	41,5	43,9	39,7	31,9	48,9	22,0	34,4	39,6	22,8	34,0	36,0
Общая культура	34,7	34,2	48,8	32,5	33,8	44,3	25,0	31,2	39,6	29,1	36,2	30,1
Стремление к повышению по службе, проявление инициативы и предприимчивости	25,0	28,8	37,4	24,2	23,1	35,5	20,0	32,3	37,4	19,0	23,4	26,3
Творческие способности	23,6	25,4	30,9	21,6	28,7	39,8	19,0	33,3	28,6	21,7	24,5	23,7

Примечание: ранжировано по второму столбцу.

Таблица 10. Распределение ответов мужчин на вопрос «Что из перечисленного входит в Ваши намерения?» (вариант ответа «это входит в мои планы»), %

Намерение	Молодежь		Взрослые	
	крупные города	районы	крупные города	районы
Трудовая жизнь				
Стать высококлассным специалистом	52,8	36,3	38,5	23,5
Добиться высокого материального положения	52,0	37,4	42,4	20,9
Продвинуться по службе, сделать карьеру	51,6	36,3	32,9	15,5
Повысить уровень своих знаний, стать эрудированным человеком	38,2	29,7	27,0	14,4
Переехать в другой населенный пункт страны с более привлекательными условиями труда*	32,6	44,4	24,4	24,6
Заняться предпринимательской деятельностью	28,5	21,1	20,3	8,6
Заняться (продолжать заниматься) творческим трудом	17,1	15,4	9,1	7,0
Повседневная жизнь				
Расширить круг общения, обзавестись большим числом друзей, знакомых	33,3	26,4	36,5	12,3
Укрепить свою нервную систему	29,3	25,3	46,8	24,1
Повысить свой культурный уровень	27,6	23,1	22,5	12,8
Подлечиться, поправить свое здоровье	22,8	34,1	45,5	27,8
Занять высокое положение в обществе	18,9	28,6	13,5	9,7
Добиться общественного признания	18,7	24,2	16,9	10,7
Заняться общественно-политической деятельностью	14,6	13,2	3,9	5,9
* В связи с важностью оценки миграционных настроений данный аспект трудовой жизни взят из вопроса «Насколько Вы готовы...?» (варианты ответа «готов и уже реализую» и «готов»).				
Примечание: ранжировано по второму столбцу.				
Источники: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБун ВолНЦ РАН, 2022 год; расчеты автора.				

страны с более благоприятными условиями труда. С возрастом различия полностью нивелируются, хотя для взрослых жителей из периферии миграционные настроения продолжают преобладать над иными стремлениями. Применительно ко всем группам опрошенных основной интерес представляют намерения стать высококлассным специалистом, добиться высокого материального положения и продвинуться по службе (сделать карьеру), в то время как занятию творческим трудом и предпринимательством уделяется меньше внимания.

В свою очередь повседневные планы мужчин имеют еще более ярко выраженную возрастную и территориальную специфику. Так, молодые люди стремятся расширить круг общения, поправить физическое и психическое здоровье, повысить культурный уровень. При этом в районах области молодежь чаще задумывается о достижении общественного признания. Все эти намерения

характерны и для взрослых мужчин, проживающих в крупных городах, хотя и в меньшей степени (за исключением желания поправить свое здоровье). Весьма удручающе выглядит ситуация на периферии, где люди в основном нацелены на реализацию самосохранительных практик. Полученные результаты служат наглядным примером того, как взаимное проникновение трудовой и повседневной жизни может ограничивать возможности для самореализации в самом широком смысле этого слова.

Заключение

Таким образом, результаты проведенного анализа показали, что динамика качества занятости в Вологодской области имеет положительный тренд, хотя и сопряжена с рядом нерешенных проблем, которые не только носят «застойный» характер, но и становятся все более заметными в кризисных условиях последних лет. С одной стороны,

несмотря на давление макроэкономических факторов, региональный рынок труда является достаточно устойчивым как для мужчин, так и для женщин. При этом серьезного всплеска безработицы не произошло даже в период первых волн пандемии коронавируса COVID-19. Впоследствии ситуация быстро нормализовалась, и в год начала СВО показатели безработицы достигли минимальных отметок в истории современной России. На этом фоне происходит стремительный рост неформального сектора экономики, охватывающего до четверти занятого населения. Как правило, мелкие хозяйственные единицы (в т. ч. самозанятые) функционируют в рамках действующего правового поля, однако чаще других подвержены рискам неопределенности, что негативно сказывается на качестве занятости, в особенности мужчин.

На первый взгляд, наблюдается положительная динамика в сфере материального благополучия населения. В 2005–2021 гг. на Вологодчине произошел почти двукратный рост медианной заработной платы (в сопоставимых ценах), сопровождаемый значительным снижением социального неравенства. Вместе с тем тенденции последних лет служат наглядным примером того, насколько преждевременным может быть долгосрочный оптимизм. Это прослеживается как на динамике абсолютных (медианная заработная плата работников организации), так и относительных (отношение заработной платы к прожиточному минимуму трудоспособного населения) показателей. Кроме того, обеспокоенность вызывает сохранение относительно высокого разрыва в средних заработках между мужчинами и женщинами, а также на муниципальном уровне, в т. ч. в разрезе городской и сельской местности.

Данные нашего социологического опроса подтверждают тезис о внешней устойчивости регионального рынка труда, что выражается в распространении первичной занятости и бессрочных трудовых договоров, увеличении заработной платы и т. д. Однако серьезную обеспокоенность вызывает специфика трудовой жизни мужчин (преимущественно старшего возраста), проживающих

за пределами крупных городов. Здесь мы видим и ограниченный рост доходной базы при заметном увеличении трудовой нагрузки, и развитие практик вторичной и неформальной занятости, и трудоустройство в отрыве от собственных интересов. Все это отражается на профессиональных перспективах и отношении к труду, восприятие которого приобретает все более инструментальный характер. Невозможность реализации накопленного потенциала и неудовлетворенность условиями труда способствуют усилению миграционных настроений, что в дальнейшем может обернуться еще большим снижением активности в трудовой и повседневной жизни, хотя и нельзя проводить прямое сопоставление между молодыми и взрослыми мужчинами, относящимися к разным поколениям.

Проведенное исследование вносит вклад в развитие представлений о трудовой жизни российских мужчин за пределами крупных городов в ракурсе нестабильности социально-экономической системы. Полученные выводы позволили проследить за динамикой занятости и очертить спектр проблемных зон, требующих пристального внимания со стороны органов власти. Одним из важнейших вопросов в этом плане является преодоление разрыва между ядром и периферией за счет создания центров притяжения деловой активности в регионе. Причем речь идет не столько о крупных инвестиционных проектах, сколько о благоприятных условиях для профессиональной самореализации. Большая роль в этом начинании должна отводиться не неформальным каналам трудоустройства, а районным службам занятости населения, предоставляющим широкие возможности для поиска работы (в т. ч. по специальности), обучения, психологической и консультационной помощи, поддержки предпринимательства и индивидуальной занятости и т. д. Последствия таких преобразований в ситуации, когда все вокруг быстро меняется, сложно переоценить. Содействие доступу мужчин к достойной занятости повлечет за собой позитивные изменения и в других сферах жизнедеятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдрахманова Г.И., Алешин Д.А., Артамонов Р.Е. [и др.] (2021). «Черный лебедь» в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 / под ред. С.М. Плаксина, А.Б. Жулина, С.А. Фаризовой. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 336 с.
- Аганбегян А.Г. (2022). Россия: от стагнации к устойчивому социально-экономическому росту // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 237. № 5. С. 310–362. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-237-5-310-362
- Басова Е.А., Белехова Г.В. (2020). Качество трудовой жизни в оценках мужчин и женщин (по материалам социологического опроса Вологодской области) // Вопросы территориального развития. Т. 8. № 2. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28524>. DOI: 10.15838/tdi.2020.2.52.4
- Гуревич В.С., Колесников А.В., Кудрин А.Л. [и др.] (2021). Экономика и экономическая политика в условиях пандемии / под ред. А.Л. Кудрина. Москва: Изд-во Института Гайдара. 344 с.
- Ильин В.А., Маркин В.В., Голенкова З.Т. [и др.] (2015). Российское общество: трансформации в региональном дискурсе (итоги 20-летних измерений) / под науч. рук. М.К. Горшкова, В.А. Ильина. Вологда: ИСЭРТ РАН. 446 с.
- Капелюшников Р.И. (2009). Конец российской модели рынка труда? Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ. 80 с.
- Миляева Л.Г. (2019). Теоретические вопросы и методики комплексного анализа качества трудовой жизни // Социально-трудовые исследования. № 1 (34). С. 6–18.
- Ослон А., Зорин А., Золотухина Т. [и др.] (2021). Социология пандемии. Проект коронаФОМ / рук. авт. колл. А.А. Ослон. Москва: Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ). 319 с.
- Попов А.В. (2022). Последствия прекаризации в ракурсе поколенных групп населения: прямые и косвенные эффекты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 167–181. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.10
- Рощин С.Ю., Разумова Т.О. (2002). Вторичная занятость в России: моделирование предложения труда. Москва: EERC. 72 с.
- Шабунова А.А., Попов А.В., Соловьева Т.С. (2017). Потенциал женщин на рынке труда региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 1. С. 124–144. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.7
- Alon T., Doepke M., Olmstead-Rumsey J. [et al.] (2020). *This Time it's Different: The Role of Women's Employment in a Pandemic Recession: IZA DP No. 13562*. Bonn: IZA – Institute of Labor Economics.
- Del Boca D., Oggero N., Profeta P. [et al.] (2020). Women's and men's work, housework and childcare, before and during COVID-19. *Review of Economics of the Household*, 18, 1001–1017. DOI: 10.1007/s11150-020-09502-1
- Evans A. (2019). How cities erode gender inequality: A new theory and evidence from Cambodia. *Gender & Society*, 33 (6), 961–984. DOI: 10.1177/0891243219865510
- Fan C.C. (2003). Rural-urban migration and gender division of labor in transitional China. *International Journal of Urban and regional research*, 27 (1), 24–47.
- Islam N., Shkolnikov V.M., Acosta R.J. [et al.] (2021). Excess deaths associated with COVID-19 pandemic in 2020: Age and sex disaggregated time series analysis in 29 high income countries. *BMJ*, 373. Available at: <https://www.bmj.com/content/373/bmj.n1137>. DOI: 10.1136/bmj.n1137
- Martel J.-P., Gilles D. (2006). Quality of work life: Theoretical and methodological problems, and presentation of new model and measuring instrument. *Social Indicators Research*, 77, 333–368.
- Pace F., Sciotto G. (2022). Gender differences in the relationship between work-life balance, career opportunities and general health perception. *Sustainability*, 14 (1). Available at: <https://www.mdpi.com/2071-1050/14/1/357>. DOI: 10.3390/su14010357
- Périver H. (2014). Men and women during the economic crisis: Employment trends in eight European countries. *Revue de l'OFCE*, 133, 41–84. DOI: 10.3917/reof.133.0041
- Reskin B., Padavic I. (1994). *Women and Men at Work*. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press.
- Schoepke J., Hoonakker P.L.T., Carayon P. (2004). Quality of working life among women and men in the information technology workforce. *Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society Annual Meeting*, 48 (14), 1576–1580. DOI: 10.1177/154193120404801404

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Васильевич Попов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ai.popov@yahoo.com)

Popov A.V.

WORKING LIFE OF RUSSIAN MEN DURING THE YEARS OF INSTABILITY (ON THE MATERIALS OF LARGE CITIES AND DISTRICTS OF THE VOLOGDA OBLAST)

The instability caused by the consequences of COVID-19 and the escalation of geopolitical tensions leads to serious changes in various areas of life. In terms of the functioning of society, the focus is on employment, which reflects the ability to provide a habitual level of well-being. In this case, the situation of men, who are more affected by the interaction with the turbulent external environment, is of interest. Taking into account the importance of the territorial factor, the purpose of the study was to analyze the dynamics of working life indicators of Russian men in large cities and beyond during the period of socio-economic instability. The peculiarity of the work lies not only in shifting the focus to men, which is very rare in the domestic literature, but also in the disclosure of problems from the position of a continuous process of harmonization of personal interests of individuals with the objective conditions of the external environment (as a rule, the working life is considered in the context of purely qualitative characteristics). The information base is represented by official statistics and monitoring data on the quality of labor potential of the Vologda Oblast population for 2018–2022. The results of the analysis show that despite the pressure of macroeconomic factors, the overall situation in the regional labor market remains very stable, which besides low unemployment is reflected in the spread of primary employment and open-ended employment contracts, the wage increase, etc. The concern is caused by the specifics of the working life of men (mostly older men) living on the periphery, where there is limited growth of the income base with a noticeable increase in the tension of the labor process, the development of secondary and informal employment, and employment is more often divorced from personal interests. All this leads to an increase in migration attitudes, especially among young men. The prospects for future work are related to deepening the results obtained through a series of qualitative studies.

Working life, employment, large cities, youth, COVID-19, wages, labor market, quality of employment.

REFERENCES

- Abdrakhmanova G.I., Aleshin D.A., Artamonov R.E. et al. (2021). "Chernyi lebed" v beloi maske. *Analiticheskii doklad NIU VShE k godovshchine pandemii COVID-19* ["The Black Swan" in the White Mask. Analytical Report of the Higher School of Economics on the Anniversary of the COVID-19 Pandemic]. Moscow: HSE Publishing House.
- Aganbegyan A.G. (2022). Russia: From stagnation to sustainable socio-economic growth. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii=Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 237(5), 310–362. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-237-5-310-362 (in Russian).
- Basova E.A., Belekhova G.V. (2020). Quality of work life as estimated by men and women (case study of the sociological survey in the Vologda Oblast). *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*, 8(2). Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28524>. DOI: 10.15838/tdi.2020.2.52.4 (in Russian).
- Gurevich V.S., Kolesnikov A.V., Kudrin A.L. et al. (2021). *Ekonomika i ekonomicheskaya politika v usloviyakh pandemii* [The Economy and Economic Policy in a Pandemic]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House.

- Ilyin V.A., Markin V.V., Golenkova Z.T. et al. (2015). *Rossiiskoe obshchestvo: transformatsii v regional'nom diskurse (itogi 20-letnikh izmerenii)* [Russian Society: Transformations in Regional Discourse (Results of 20 Years of Measurements)]. Vologda: ISEDT RAS.
- Kapelyushnikov R.I. (2009). *Konets rossiiskoi modeli rynka truda?* [Is the Russian Labor Market Model Over?]. Moscow: HSE Publishing House.
- Milyaeva L.G. (2019). Theoretical and methodological approaches and methods of complex analysis of quality of working life. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social & Labor Research*, 1(34), 6–18 (in Russian).
- Oslon A., Zorin A., Zolotukhina T. et al. (2021). *Sotsiologiya pandemii. Proekt koronaFOM* [The Sociology of the Pandemic. CoronaFOM Project]. Moscow: Institut Fonda Obshchestvennoe Mnenie (inFOM).
- Popov A.V. (2022). Implications of precarization in the context of generational groups: direct and indirect effects. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(6), 167–181. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.10 (in Russian).
- Roshchin S.Yu., Razumova T.O. (2002). *Vtorichnaya zanyatost' v Rossii: modelirovanie predlozheniya truda* [Secondary Employment in Russia: Labor Supply Modeling]. Moscow: EERC.
- Shabunova A.A., Popov A.V., Soloveva T.S. (2017). The potential of women in the labor market of the region. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 10(1), 124–144. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.7 (in Russian).
- Alon T., Doepke M., Olmstead-Rumsey J. et al. (2020). *This Time It's Different: The Role of Women's Employment in a Pandemic Recession: IZA DP No. 13562*. Bonn: IZA – Institute of Labor Economics.
- Del Boca D., Oggero N., Profeta P. et al. (2020). Women's and men's work, housework and childcare, before and during COVID-19. *Review of Economics of the Household*, 18, 1001–1017. DOI: 10.1007/s11150-020-09502-1
- Evans A. (2019). How cities erode gender inequality: A new theory and evidence from Cambodia. *Gender & Society*, 33(6), 961–984. DOI: 10.1177/0891243219865510
- Fan C.C. (2003). Rural-urban migration and gender division of labor in transitional China. *International Journal of Urban and regional research*, 27(1), 24–47.
- Islam N., Shkolnikov V.M., Acosta R.J. et al. (2021). Excess deaths associated with COVID-19 pandemic in 2020: Age and sex disaggregated time series analysis in 29 high income countries. *BMJ*, 373. Available at: <https://www.bmj.com/content/373/bmj.n1137>. DOI: 10.1136/bmj.n1137
- Martel J.-P., Gilles D. (2006). Quality of work life: Theoretical and methodological problems, and presentation of new model and measuring instrument. *Social Indicators Research*, 77, 333–368.
- Pace F., Sciotto G. (2022). Gender differences in the relationship between work-life balance, career opportunities and general health perception. *Sustainability*, 14(1). Available at: <https://www.mdpi.com/2071-1050/14/1/357>. DOI: 10.3390/su14010357
- Périver H. (2014). Men and women during the economic crisis: Employment trends in eight European countries. *Revue de l'OFCE*, 133, 41–84. DOI: 10.3917/reof.133.0041
- Reskin B., Padavic I. (1994). *Women and Men at Work*. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press.
- Schoepke J., Hoonakker P.L.T., Carayon P. (2004). Quality of working life among women and men in the information technology workforce. *Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society Annual Meeting*, 48(14), 1576–1580. DOI: 10.1177/154193120404801404

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrei V. Popov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ai.popov@yahoo.com)